

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭПИТЕТОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ ИНТЕРЬЕР, В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Статья посвящена анализу корпуса эпитетов, описывающих интерьер, употребленных в текстах М. Цветаевой. В исследовании устанавливается, что использование признаков лексик по отношению к вещественному, интерьерному миру имеет идиостилевую логику. Многие атрибутивные конструкции рассматриваемого типа относятся к образно-метафорическим, имеющим дополнительные коннотативные смыслы. При характеристике артефактов происходит своеобразное их присвоение автором, многие предметы интерьера выступают в качестве концептов (стол, лестница и другие). Внутреннее пространство жилого дома становится в контексте творчества М. Цветаевой продолжением ее душевного мира, поэтому осмысливается в антропоморфных категориях, как части человеческого тела. Доказано, что эпитет представляет собой очень широкое понятие, включающее в себя ситуативные признаки, поэтому общезыковые определения способны выполнять функцию эпитетации в поэтическом тексте. Автор делает вывод о необходимости детального анализа разнообразных участков идиолектной системы М. Цветаевой, ключевой из которых является атрибутивная лексика; рассмотрены образного потенциала различных групп эпитетов и определяемых ими объектов.

Ключевые слова: *эпитет, интерьер, семантика, идиостиль, поэтика, Марина Цветаева.*

Изучение различных образных и изобразительно-выразительных средств языка представляет собой традиционное направление исследований в рамках стилистики и лингвопоэтики. Данный анализ языка писателя или поэта неотделим от той роли, которую выполняют те или иные тропы в идиостиле, от того смысла, который автор текста закладывал и выражал с их помощью. Моделирование когнитивной языковой образной картины мира средствами языка признается необходимым итогом и главной целью использования различных пластов лексики, а также употребления грамматических конструкций [Арнольд 1981].

Описание того или иного отдельного тропа или языкового средства всегда производится в контексте других тропов и фигур речи, в контексте того

или иного смысла, заложенного в конкретном стихотворении, поэтическом цикле или творчестве в целом [Хазагеров 1999].

Признаковая, или атрибутивная лексика неизменно привлекает внимание лингвистов в силу ее употребительности и универсальности в выражении различных смыслов: она способна описать практически любую конкретную или абстрактную реалию, актуализируя необходимый автору высказывания смысл. Актуализация может происходить с помощью количественного параметра (повтор слова, построение составной атрибутивной конструкции и т.д.), семантического варьирования, привнесения в семантику слова коннотативных оттенков значения, синтаксического расположения и т.д. Все перечисленные приемы актуализации признака соседствуют, как правило, с контекстуальной трансформацией всего высказывания, отчего важно учитывать фоновые тексты и авторские смыслы [Губанов 2016].

Что касается самого распространенного способа актуализации признака, то это в первую очередь эпитет как троп, специализирующийся на оценочной или образной характеристике реалии или лица. Много говорится о границах употребления данного понятия: узкая трактовка эпитета как образного определения замыкает сферу его функционирования рамками художественного текста; широкая трактовка дает возможность понимать под ним принципиально любое определение или признаковую конструкцию, в которых присутствует любое изменение семантики прямого значения. Придерживаясь широкого понимания эпитета, мы видим логичным анализировать принципиально все определения или конструкции признаковой семантики в художественном тексте с целью наиболее полно обрисовать авторский идиолект и поэтическую картину мира художника слова [Булахова, Сквородников 2017, Киров 2019].

Материалом для подобного рода исследования было выбрано творчество М. Цветаевой, тексты которой насыщены атрибутивными конструкциями различной семантики: от общеупотребительных выражений или устойчивых оборотов до окказиональных словосочетаний. Если концептосфера человека, как доказано многими исследованиями, является самой детализированной в поэтическом языке М. Цветаевой (в ее рамках зафиксированы многочисленные метонимические и метафорические переносы определений; концепты человеческого тела выступают сферами-донорами для метафорических образов), то сфера артефактов, вещественная вселенная, за исключением нескольких авторских концептов, изучена недостаточно.

В поэзии Серебряного века вещный мир занимает далеко не последнее место в системе образов и тем творчества. Описание элементов внутреннего

пространства, конкретных предметов обихода и интерьера, их деталей, коррелирует с изображением внутреннего мира и духовного состояния человека, его настроения, переживания, будь то лирический герой или автор текста. В текстах М. Цветаевой данная тенденция прослеживается наиболее прозрачно и полно, поскольку ее эмоциональность и «безмерность» в выражении оценки относительно предмета (и субъекта, которому он принадлежит, а эти ассоциации устойчивы) доказана давно. Так, стол стал у поэта символом творчества, поэтому метафорически насыщен различными образными эпитетами, которые зачастую в обычной речи необразные, но получают метафоричность именно в контексте стихотворения (дубовый – сделанный из дуба и основательный, настоящий; столовый – находящийся в столовой и самый настоящий, синоним-тавтология) [Зубова 1989, Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке 2017].

О.Г. Ревзина в предисловии к «Словарю поэтического языка Марины Цветаевой» при его анализе отмечает необходимость учета всего корпуса словоупотреблений поэта, в том числе неокказиональных, устойчивых и т.д. [Ревзина 1996, Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1996]. При описании определений, характеризующих размерность, вес, время, протяженность и другие физические характеристики, остро встает вопрос об их образности и эпитетном статусе. При ответе на данный вопрос следует иметь в виду поэтический контекст, частотность использования слова, а также соотнесенность с тем или иным концептом. Таким образом, в статье будет решаться проблема отнесенности определений, относящихся к характеристике предметного, физического мира, к образным эпитетам, их роли в организации авторской картины мира и концептосферы.

Предметом анализа настоящей статьи выступает признаковая лексика (эпитеты), описывающая интерьер, в текстах М. Цветаевой. Целью исследования является выявление особенностей образной характеристики внешнего пространства (жилой дом, помещение) в текстах М. Цветаевой в его связи с отражением внутреннего мира лирической героини.

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой различного типа: стихотворения и поэмы.

Перейдем к рассмотрению специфики употребления эпитетов, описывающих интерьер, в текстах Марины Цветаевой. Нами было выявлено 182 случая употребления данной тематической группы эпитетов в ее произведениях.

Основными стратегиями конструирования и употребления эпитетов, описывающих вещный мир и интерьер, в текстах М. Цветаевой, можно назвать такие, как: приобретение определениями новых значений

(переход в статус эпитета), наделение определений эмоциональной семантикой, образное употребление атрибутов (переносный эпитет). Все перечисленные направления работы поэта с размерными, весовыми, температурными и другими определениями, номинирующими физические характеристики предметов, сопровождаются идиолектными, специфическими для поэта приемами: паронимическое сближение созвучных слов, игра с корнями слов, персонификация и т.д.

1. Приобретение определениями новых значений. Одним из показательных примеров употребления любого типа эпитета в текстах М. Цветаевой является паронимическое сближение слов различной семантики, но фонетически отдаленно сходных, а потому получающих общую сему:

...Полосатая десертная // Скатерть вам – дорогою!
[Цветаева 1994: 2: 314]; *... Полотняная голландская // Скатерть вам – да саваном!* [Цветаева 1994: 2: 314].

При конструировании таких эпитетов поэт использует составной эпитет: первый характеризует предмет по его материалу или цвету, второй по назначению и «происхождению». Используясь вместе, указанные выше определения приобретают статус эпитета в силу своей отсылки к пословице (*скатертью дорога*) и сравнению с саваном (смертью). Так, относительные прилагательные приобретают дополнительные значения, переходя в качественные. Во многом развитие созначений связано со стратегией воспоминаний лирической героини, в контексте которых многое осмысливается по-новому.

Вещественная метафора выступает в качестве отрицательной характеристики души в следующем контексте:

...Но, вразумите, к чему – душа? // Не глубоко ль негодный – // Как жардиньерка – гамак – кларнет – // В нашем быту – предмет?
[Цветаева 1994: 3: 51].

Душа осмысливается как предмет, ненужный и бесполезный.

2. Наделение определений эмоциональной семантикой. Особенность употребления эпитетов, описывающих интерьер или вещный мир, заключается в том, что их семантика в контексте кажется узуальной, но в авторском идиолекте приобретает образное значение, подчеркивающее эмоциональное отношение к предмету. Так, контексты *письменный стол* и *бритвенный прибор* с эпитетом в постпозиции становятся носителями актуализированного признака:

Для невиданной той стены // Знаю имя: стена спины // За роялем. Еще – столом // Письменным, а еще – прибором // Бритвенным

(у стены – прием – // Этой / делаться коридором // В зеркале...)
[Цветаева 1994: 3: 114].

Слово *прибор* приобретает значение-отсылку к непришедшему человеку, а потому ассоциируется со смертью, утратой, нелюбовью:

*О – ни души не задевая! – // За **непоставленный прибор** // Сажусь незваная, седьмая* [Цветаева 1994: 2: 369].

3. Образное употребление атрибутов. Устойчивая параллель предметов интерьера и природных явлений реализуется через повтор эпитетов в сочетании с наименованием стихии:

***Бела пена** – нам полог, // **Бела пена** – нам перинка, // **Бела пена** – нам подушка, // **Бела пена** – пуховик* [Цветаева 1994: 1: 543].

Краткая форма прилагательного отсылает к фольклорному тексту, приближая эпитет к постоянному, тем самым стилизуя стихотворение под заплачку-заклинание.

Вещественный мир устойчиво воспринимается как нечеловеческий, холодный, отстраненный, поэтому эпитеты отражают данную семантику:

*Луна омывала **холодный паркет** // Молочной и ровной волной. // К горячей щеке прижимая букет, // Я сладко дремал под луной* [Цветаева 1994: 1: 109].

Воспоминания о сияющем паркете связываются у автора с детством, потому они очень светлые и радостные:

*Всюду дома мы на свете, // Все зовя своим. // В шалаше, где чинят сети, // **На сияющем паркете** ... // Милый, милый, мы, как дети: // Целый мир двоим!* [Цветаева 1994: 1: 165].

Иногда те же воспоминания не очень радостные, отчего выбирается эпитет лирического типа с отрицательной семантикой:

*...Те же люстры, полукруг дивана, // «Только жаль, что люстры не горят!» // **Филодендронов унылый ряд**, // По углам расставленных без плана* [Цветаева 1994: 1: 90].

Для подробной характеристики привлекается составной эпитет, иногда оксюморонного характера, что обусловлено индивидуальным восприятием предмета, иногда его «детской» интерпретацией:

*...На вышке шкафа, **сер и пылен**, // **Видавший лучшие лета**, // Угрюмо восседает **филин** // **С лицом кота*** [Цветаева 1994: 3: 13].

Поскольку творчество М. Цветаевой во многом антропоцентрично и реалии мира осмысляются в категориях личностного восприятия их автором, очень сгущено эмоционально, то логично наличие персонифицированных эпитетов, относящихся к описанию интерьера.

Особенно часто эта особенность проявляется при описании портретов:
Кудри, склоненные к пальцам, // Взгляды портретов в упор...
[Цветаева 1994: 1: 171].

Взгляд человека в упор и портрет в данном случае отождествляются, приобретая черты реального человека.

... Иду домой, там грусть фиалок // И чей-то ласковый портрет
[Цветаева 1994: 1: 28].

Портрет вызывает чувство умиления автора, поэтому подбирается эпитет *ласковый*. Сочетаемость свойства слова *ласковый* таковы, что оно употребляется с лексемой *человек* (*ласковый человек*); в данном же случае происходит семантический сдвиг с участием смены синтаксической валентности: это не портрет ласкового (доброго) человека, а портрет, вызывающий у наблюдателя (смотрящего на портрет, автора строк) чувство умиления по отношению к изображенному на портрете человеку.

При обрисовке внешности человека сравнение субъекта с портретом делает описание живым:

В ней были движенья таинственно-хрупки. – // Как будто старинный портрет перед вами! [Цветаева 1994: 1: 55].

Роль эпитета в данных описаниях первостепенна, что вытекает из специфики использования данного тропа: он употребляется в функции образной или оценочной характеристики объекта эпитетации. Если эпитет стоит в препозиции, он традиционно играет роль атрибута и менее выразителен; как только он попадает в постпозицию, на него падает логическое ударение, занимает предикативную позицию, а потому образен и оценочен.

Вообще использование нескольких двукомпонентных атрибутивных конструкций при характеристике сразу нескольких реалий или лиц создает эффект тотального означивания авторским поэтическим Я окружающей действительности. Так, в контексте:

Вот в тени уютная кроватка // И портрет над нею в темной раме. // На портрете белокурый мальчик // Уронил увянувшую розу
[Цветаева 1994: 1: 106].

Даже те эпитеты, которые изначально приближены к логическим определениям, приобретают в контексте общую эмоционально-оценочную тональность. Смысловые переключки и антонимия смыслов наблюдается при употреблении эпитетов *темный, белокурый*; фонетически сближаются эпитеты *уютная, увянувшая*.

В случае конструирования цепочки эпитетов, идущих друг за другом и разделяемых двоеточием или тире (излюбленным пунктуационным знаком М. Цветаевой), происходит нагнетание признаков, относящихся к одному и

тому же слову, которое обрастает новыми авторскими смыслами. Таковую цепочку эпитетов, относящихся к «предмету интерьера» – пыли, видим в следующем отрывке:

*...Смердит изобилье! – // Довольством – вполне. // А если и пылью – // Не нашей – с весной // Свезут, так уж што ж нам? // **Не нищей: сквозной, // А бархатной – штофной – // Портьерной** [Цветаева 1994: 3: 59].*

Пыль осмысляется автором не как вещество, а как своеобразный «член семьи», поэтому она может быть уличной, а потому *нищей, сквозной* (то есть летящей, никому не принадлежащей) и своей, родной. Последняя получает положительные коннотации: она хранится на полках дома, бережно охраняемых семьей, о ней вспоминает лирическая героиня с нежностью и детскими чувствами.

Как видно из приведенных выше примеров употребления эпитетов, описывающих интерьер, в текстах М. Цветаевой большое значение имеет момент воспоминания, припоминания обстановки дома, связанной с детством, влюбленностью, родителями. По этой причине многие реалии того прошлого характеризуются с положительной стороны, и признаковая лексика отчетливо отражает эту закономерность. Способность эпитета занимать сильную позицию в высказывании, а также авторская установка на актуализацию признака различными способами от простого наделения оценочным значением до выстраивания цепочки определений, которые становятся центром стихотворения, – все эти факторы делают возможным использование изначально безобразного определения в функции эпитета.

В контексте всего поэтического творческого наследия М. Цветаевой употребление подобных эпитетов не составляет значительной доли от общего числа образных определений, но оно достаточно показательно в силу актуализации переносного значения именно в контексте стихотворения. Тем не менее, они занимают важное место в описании концептов-артефактов, таких, как стол, лестница, портрет и других.

Процесс перехода из определения в образное признаковое слово (эпитет) всегда разный. Начинается он с погружения слова атрибутивной семантики в необычное контекстное окружение, нарушаются привычные синтаксические связи, что вызывает изменения в значении. При восприятии данного слова-атрибута читателем начинает ощущаться изменение значения, происходит переход из относительного прилагательного в качественное. В дальнейшем, если присутствует образное сравнение, слово становится полноценным эпитетом, приобретая метафорические значения.

Подведем некоторые итоги. При рассмотрении признаковой лексики в художественном тексте возникают несколько важных проблем.

Первый вопрос связан с тем корпусом определений, который попадает в выборку при анализе идиолекта. Если придерживаться узкого понимания эпитета, данный массив определений будет достаточно ограничен: в него попадут образные метафорические и метонимические, в основном окказиональные, эпитетные конструкции, обнаружив которые можно сделать вывод о специфике авторского стиля. В творчестве М. Цветаевой употребляются преимущественно антропоморфные метонимические эпитеты, что связано с особым типом авторского мышления, предельно эмоционального и оценочно окрашенного. Объектом эпитетации становится человек (возлюбленный, родственник и т.д.), эпитеты же подбираются из этой же сферы (*молчаливый взгляд, печальная душа*).

При широком понимании эпитета как любого определения, имеющего какой-либо дополнительный компонент значения, практически каждое признаковое слово получает статус эпитета (за исключением общеупотребительных узуальных смыслов). Тексты рассматриваемого поэта наполнены определениями разных типов от постоянных до динамических, размерных и т.д. Выражая ту или иную характеристику явления, определение неизменно оценивается автором, отражая индивидуальную поэтическую картину мира.

В ходе анализа одного из типов эпитетов изначально непереносного типа – эпитетов, описывающих интерьер (жилое помещение), – было выявлено, что внутреннее пространство жилого дома становится в контексте творчества М. Цветаевой продолжением ее душевного мира, поэтому осмысливается в антропоморфных категориях, как части человеческого тела. При характеристике артефактов происходит своеобразное их присвоение автором, многие предметы интерьера выступают в качестве концептов (стол, лестница). При рассмотрении семантических изменений в структуре значения признакового слова было обнаружено, что, помимо приращения смысла и появления эмоционально-оценочных сем, значимым является развитие образных, переносных смыслов. Как правило, появляется семантика антропоморфного типа (эпитеты *ласковый, нищий, выдавший*). При обрисовке деталей вещного мира большое значение имеет концепт «пыль», одушевляемый поэтом.

Так, изучение творческого наследия М. Цветаевой ведется с учетом всех словоупотреблений поэта; в свою очередь, многообразие текстового выражения того или иного типа эпитета привносит новое в эпитетологию.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 303 с.

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: Монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.

Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯКС; Языки славянской культуры, 2017. 480 с.

Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. 320 с.

Хазазеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 320 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.